

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр КАЛМЫКОВ

СПАСАТЕЛЬ

Надеть доспехи не значит превратиться в война!

Александр Калмыков
Спасатель
Серия «Спасатель», книга 1
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/27344398>

Александр Калмыков. Спасатель: АСТ; Издательский дом «Ленинград»;

Москва; 2018

ISBN 978-5-17-106187-6

Аннотация

<p>XIII век. Монгольское нашествие на Русь. Эксперт-спасатель отправлен в прошлое с задачей уберечь от уничтожения Святыню – тайную монастырскую летопись XI века. А в итоге ввязывается в спасение семилетнего городецкого княжича Ярослава.</p> <p>Но у этого вмешательства есть другая сторона – приходится вместе с жителями «злого города» Козельска отбивать осаду монгольского войска!</p>

Содержание

Часть I

5

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Александр Калмыков

Спасатель

Выпуск 136

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Александр Калмыков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть I

После перехода органы чувств, потрясенные случившимся, как обычно, не действовали и лишь через несколько секунд начали приходить в норму. Сначала заработало обоняние, и голова буквально закружилась от хвойного запаха. В двадцать первом веке такие ароматы можно найти только в самых дальних лесах, где мы проводили тренировки. А здесь, в тринадцатом веке нашей эры, чистый свежий воздух, не испорченный цивилизацией, – это обычное явление.

Вскоре включилось и зрение, позволив мне увидеть покрытые снегом деревья и затянутое тучами мрачное небо. Слух обычно возвращался последним, но его я ждать не стал и резво вскочил на ноги. Хотя перед забросом сенсоры просканировали окрестности на предмет наличия крупных живых существ, однако долго рассиживаться незачем. Убедившись, что на месте не оставил ничего из снаряжения, я направился в ту сторону, к которой был обращен лицом после заброса. Заблудиться я не боялся. Конечно, не имея компаса и не видя солнца, в лесу можно легко заплутать, но недалеко отсюда проходила дорога, ведущая прямо к цели.

Вещей у меня немного, куда меньше, чем хотелось бы. Но, к сожалению, из экипировки в прошлое можно брать лишь то, что не является анахронизмом в данном времени. Поэтому вместо современного бронежилета на мне лишь обычная

куртка из лосиной кожи с нашитыми железными пластинками, надетая на толстый шерстяной кафтан, служивший одновременно поддоспешником. В таком кафтане тепло, и удары он неплохо смягчает. Шубу я брать не стал, ограничившись лишь теплым плащом. Середина марта даже в тринадцатом веке не слишком холодная, так что гипотермия мне не грозит. Хотя сейчас температура еще держится ниже нуля, но я бы мог даже вспотеть от энергичной ходьбы, если бы не препарат, отключающий потовые железы. Его вкалывают всем спасателям, и надо заметить, это очень удобная штука. Можно не опасаться схватить воспаление легких, да и вообще чувствуешь себя намного комфортнее. Опять-таки, если вдруг по следу пойдут волки или охотничьи собаки, то им будет труднее найти меня по запаху.

Что же касается брони, то к выбору доспехов наша Служба подходит основательно. Их для каждой конкретной миссии подбирают индивидуально, в зависимости от характера предполагаемых инцидентов. С одной стороны, маленькие чешуйки или кольчуга не сковывают движений, но плохо держат колющие удары. Ведь хотя по твердости они всего лишь соответствуют лучшим средневековым образцам, но не превосходят их ни на йоту. С другой стороны, крупные пластинки позволяют выдержать удар копья, но в такой броне труднее двигаться. Ее стараются надевать, когда возможно столкновение с тяжелой конницей, например, рыцарской. Но в этой миссии особые опасности не предвидятся, и для выхо-

да в прошлое мне вручили нечто среднее между перечисленными выше вариантами, так сказать, на все случаи жизни.

Главным, что у меня имелось из оружия, и, пожалуй, единственным, был меч, тоже полностью соответствующий местным образцам. Хороший, достаточно прочный и в меру гибкий, но не более того. Никаких легирующих добавок в нем, разумеется, нет, а то еще потеряю в сече или тьфу-тьфу, снимут с трупа, а ушлые археологи потом откопают удивительную находку. Правда, и в средневековье иногда попадаются исключительные образцы оружия, обладающие выдающимися характеристиками. Теоретически, копию таких шедевров мне могли бы сделать. Однако ходить с подобным сокровищем в одиночку опасно, уж очень дорого они ценятся. В лучшем случае, князек какой увидит диковинный меч с чудным узором на клинке и купит не спрашивая. Может, конечно, и цену справедливую назначить, но спасателю от этого не легче, ведь меч утерян. Вот и приходится отправляться на задание со средненьким в общем-то клинком, да еще чуток подернутым легкой ржавчиной. На такой точно никто не позарится. Под стать ему и кинжал, выкованный отнюдь не из хромистой стали, плюс небольшой ножик для еды. В принципе, вопросами гигиены здесь никто не заморачивается, и во время трапезы дружинники кромсают мясо тем же самым ножом, которым вспарывают живот врагу или разделявают дичь. Однако мода на кинжалы уже начала появляться, так что наличие двух ножей для разных целей

никто удивляться не будет.

На этом список оружия и заканчивался. Я, конечно, слышал, что кое-кто протаскивал в прошлое нечто посовременнее примитивного холодного оружия, но сами понимаете, если археологи найдут... В общем-то, на изумление историков мне наплевать, все-таки жизнь, которую может сохранить пистолет, дороже, да и ученые спишут находку на случайные факторы. Но вот Служба сразу поймет, кто шурувал на данном участке пространства-времени, и выявит виновника. В тюрьму, конечно, не посадят, потому что статьи «контрабанда в прошлое» в Уголовном кодексе не существует. Но зато уволят без пенсии и выходного пособия, что будет весьма обидно, ведь практически всю жизнь готовился к этой работе.

Вот так и получается, что я топаю по территории древнего княжества, полного опасностей, с самым примитивным арсеналом. Лук не беру принципиально, чтобы не позориться. Конечно, с современным блочным луком, оснащенным оптическим прицелом, можно любого Робин Гуда за пояс заткнуть, но разве ж такой анахронизм сюда протащишь. Впрочем, еще вопрос, кто кого заткнет. Ведь у спортсменов максимальная дистанция стрельбы составляет девяносто метров, а тут лучники начинают прицельную стрельбу с трехсот шагов, а это двести двадцать пять метров. Так что соревноваться с предками нашим современникам не с руки. Конечно, у молодых курсантов всегда возникает вопрос,

почему будущих спасателей, специализирующихся на средневековье, так мало учат стрелять. Но после первого же семестра ответ становится очевидным. Судите сами: мы должны освоить архо-лингвистику, этнографию и историю данного периода на уровне как минимум кандидата наук. Кроме того, еще имеется уйма дисциплин, начиная с теологии, древнего права, прикладной психологии, выживания в лесу и заканчивая владением кистенем. И по каждому предмету требуется длительная практика. Одна только верховая езда в полном снаряжении по пересеченной местности чего стоит. Специально для нас пришлось возродить это древнее искусство, ведь без него в прошлом никак. Так что спасатели умеют не только на лошади скакать, но при этом еще и чем-нибудь тяжелым размахивать, без риска свалиться от своего же богатырского замаха. А если ты тяжеловооруженный витязь, то требовать от тебя меткой стрельбы никто не будет. На Руси уже давно произошло разделение конницы на тяжелую и легкую, и если выбирать, кого изображать спасателю – полностью одоспешенного знатного воина или лучника-простолюдина, то обычно предпочтение отдают первому варианту. Бить из лука белку с тридцати шагов тут умеет каждый второй, потому что с детства тренировался. А вот на полном скаку поймать копьём подброшенную шапку сможет далеко не всякий, потому что верховая лошадь стоит как целый терем, а на обычной кляче не потренируешься. В общем, для придания себе солидности и получения веса в обществе же-

лательно иметь имидж витязя, а не простого охотника.

Правда, есть маленький нюанс – перебросить в прошлое лошадку технически просто, но очень уж дорого. Для этого половина электростанций страны должны несколько дней работать только на науку. Ведь как известно, при открытии прохода в прошлое, затраты энергии пропорциональны четвертой степени размера портала.

Надо сказать, что теорию перехода в прошлое мы, спасатели, изучаем весьма поверхностно, ограничиваясь лишь практическими аспектами. И не потому, что ленивые или нелюбопытные, таких сюда не берут, а по одной очень веской причине. Стоит углубиться в изучение теории, и становится понятно, насколько несовершенна эта наука, работающая на эмпирических правилах, для объяснения которых придуманы десятки гипотез. После этого прыгать в прошлое будет просто страшно. В общем, самое главное, что спасатели усваивали на учебе – при прыжке нужно минимизировать массу перемещаемого груза и размер канала. Если не сел на корточки, а переносишься стоя, то диаметр сферы увеличивается в два раза, объем – в восемь раз, а затраты энергии – в шестнадцать. Про лошадь и говорить нечего, такие затраты Служба не потянет. Так что от коня у меня остались лишь шпоры и уздечка – новая, украшенная серебряными пластинками, чтобы все видели, что человек перед ними не простой. Ну, а что лошадь и слуг потерял, так то понятно. Путешествовать по здешним дебрям, да еще во время вой-

ны, задача не из легких, и накладочки случаются.

Под стать уздечке у меня и одежда – чуть поношенная, но достаточно нарядная. Богатство также подчеркивали серебряные пряжки и нашейная гривна. Последняя, хотя и несколько вышла из моды, но ничего экстравагантного собой не представляла, выполняя одновременно функции и знака отличия, и заначки на черный день. Вот уже после монгольского нашествия, когда запасы серебра поистощатся, мужчины совсем перестанут носить украшения.

О моем высоком социальном статусе свидетельствовали и остроносые сапоги с красной полосочкой, почти как у князя. Довершали снаряжение типичного древнерусского воина маленький щит, висящий на спине, и котомка с притороченным к ней шлемом. Еще имеются наручи и кольчужные рукавицы, но они лежат в мешке, чтобы не пугать прохожих. Доспех-то в любом случае приходится тащить на плечах, это же не кольчужка, которую легко свернуть и спрятать, а вот все остальное надевают только перед боем или грабежом.

И вот, споро шагая по тропинке, натопанной кабанами или местными дровосеками, я быстро добрался до прорубленной в сосновом бору просеке, ведущей в нужную сторону. По ней всю зиму действовал проторенный санный путь, так называемый зимник. Еще здесь можно ездить летом, когда земля просохнет. А вот как дорога выглядит во время распутицы, просто страшно представить. Скорее всего, в та-

ком состоянии ее вообще никто никогда не видел, потому что не смог до нее добраться. Но сейчас, покрытая утрамбованным снегом, она пригодна и для пешего путешествия, и для езды на санях.

Проверив направление, хотя ошибок быть не должно, я потопал к городу. Усталые мышцы раздраженно напряглись, предчувствуя дальнюю прогулку, но я не обращал внимания на их недовольство. Меня больше волновала миссия. Мне так и не дали толком сосредоточиться на ней перед отправкой, потому что сослуживцы радостно поздравляли меня с двойным юбилеем. Во-первых, это мой десятый выход в прошлое, чем могут похвастаться очень немногие спасатели. А во-вторых, так совпало, что сегодня я прыгаю ровно на восемьсот лет назад, плюс несколько дней. Правда, у нас в двадцать первом веке уже почки распускаются, а тут, в 1238 году, еще сугробы лежат. Но что поделаешь, глобальное потепление. Впрочем, климатология меня сейчас мало волнует, потому что я размышляю о том, сумею ли выполнить задание, да и вообще, смогу ли вернуться обратно. При средних потерях личного состава двадцать пять процентов в каждой операции шансы на возвращение не очень-то и большие.

К счастью, сосредоточиться на грустных рассуждениях было трудно. То и дело из кустов вспархивали птицы, нарушая ход мыслей, или дорогу перебегал заяц. Хорошо, что не взял с собой лук, уж очень сильным был соблазн подстрелить какую-нибудь дичь. Хоть и воспитанный в духе гуманизма и

сбережения природы, я настолько вжился в свою роль, что поведением полностью соответствовал средневековому человеку. Однако, если увлечешься охотой, то не заметишь, как весь день пролетит. Поэтому пришлось идти дальше, мысленно пообещав птичкам вернуться к ним в будущем с луком и пострелять вволю. И подумать только, когда-то фантасты утверждали, что при любом малейшем изменении прошлого создается новая вселенная. Наступил на гусеницу – и раз, создал новый мир. Прошелся по лесу, давя насекомых, и целая гроздь вселенных заполонила пространство-время. Смешно, не правда ли? Но ведь чтобы создать килограмм вещества, нужно потратить столько энергии, сколько содержится в атомной бомбе! Что уж говорить о создании целой планеты, галактики, а тем более миллиардах галактик! Нет, на самом деле все гораздо проще. Поменять прошлое нелегко, а если это все же удалось, то никаких новых вселенных не возникнет. Просто, вернувшись обратно, ты заметишь какие-нибудь изменения. Все это давно проверено, и неоднократно. Наша Служба ставила опыты, совершая безобидные, но бросающиеся в глаза действия, вроде швыряния ботинками и тортами в известных политиков. Такие события четко фиксировались в истории, ни на что особо не влияя. А вот если совершишь глобальные изменения, то обратно тебя уже никто не вернет, потому что ни Службы, ни даже страны уже не останется.

А вот, кстати, и попутка – обычная кошечка, влекомая ху-

денькой, отощавшей за зиму лошадкой. Пассажиры выглядят вполне мирно – из оружия только топор, вилы и маленький лук, чтобы отгонять волков. Прикинув, что с ходу они в меня ничем острым швырять не станут, я перегородил до-рогу и вежливо поприветствовал местных жителей.

– Здравствуйте, христиане, – только слова, естественно, произнес на древнерусском.

Покосившись на незнакомца и явно прикидывая, не дать ли деру, крестьяне все же решили, что нарядный молодец, открыто шагающий по большаку, на разбойника не похож, и пригласили меня на свои розвальни. Усевшись на какие-то мешки, я оценивающе осмотрел своих попутчиков. Большие теплые тулупы, на ногах поршни или кожаные лапти, сплетенные из узеньких ремешков. Типичные деревенские жители того времени – не слишком зажиточные, но и не бедные.

Они в свою очередь тоже беззастенчиво меня рассматривали. Порывшись в котомке, самый старший из них, полностью седой крестьянин, достал темную горбушку. Слегка посыпав ее солью, он протянул мне незатейливое лакомство. Кушать сухой зачерствевший хлеб с добавкой мякины очень не хотелось. Но суть ритуала состояла в том, что, отведав добровольно предложенный хлеб с солью, я становлюсь гостем, благодарным своим хозяевам. Даже последний тать соблюдал местные обычаи, а я с виду был человеком порядочным. Поэтому пришлось с довольным видом угощение принять и запихать в рот. Довольно кивнув, старик счел процесс

«накормил, напоил, в баньку сводил» завершённым и приступил к вопросам.

– Издалека? – Слово блудием старец явно не страдает, сразу видно, что человек ценит время. Вот бы такого лаконичного к нам в Службу.

Лгать пожилому человеку, конечно, неудобно, но насколько издалека я прибыл, тут никому знать не полагалось, и потому пришлось беззастенчиво соврать. – Из Рославльского монастыря.

Если продолжают спрашивать, то у меня имеется наготове неплохая легенда. Однако, поняв, что гость имеет отношение к сильным мира сего, крестьяне расспросы прекратили, и только водитель саней, видимо, сын старика, с уважением покачал головой, проронив буквально одно слово:

– О, как.

С восхищением поглядев на мою уздечку и, видимо представив себе, какого роскошного коня я потерял, извозчик прикрикнул на свою лошадедку, заставив ее шагать вперед. После этого ехали молча, лишь изредка бросая скупые фразы, касаемые кочек и колдобоин, которые приходилось объезжать.

Дорога сначала шла вдоль Жиздры, хотя слово «вдоль» здесь не очень уместно. Весело вилявшая река порой умудрялась на километровом участке выписывать пятикилометровые петли. Но вскоре ее фокусы заканчивались, потому

что она впадала в Оку. Младшая сестра Волги текла неторопливо и подобных шалостей не допускала, огибая препятствия степенно и плавно. Здесь, в верховьях, ее путь лежал пока на север, и лишь километров через тридцать Ока сворачивала к востоку.

В месте слияния двух рек и находилась цель моего визита в прошлое – Городец. На узком мысу, зажатом справа Окой, а слева Жиздрой, высилась деревянная крепость, у подножия которой без всякого порядка были рассыпаны домишки. Этот миниатюрный городок появился совсем недавно, лет пятнадцать или двадцать назад, и история его возникновения была совершенно обычной для данной эпохи.

Некогда единое Черниговское княжество уже давно раздробилось на множество мелких уделов. Так вышло, что княжата размножаются намного быстрее обычных людей – что смердов, что вольных кметей. За полтора столетия потомки Олега Гориславича расплодились в огромном количестве, и каждому князю подавай его дольницу – большой кусок земли с городами и селами. А где их столько взять? Хотя городов в богатом и обширном княжестве до ордынского нашествия насчитывалось немало, свыше полусотни, но ведь их не делили поровну, и первейшим князьям полагалось иметь львиную долю. Требовалось срочно возводить и заселять новые городки, однако несознательные граждане предпочитали оставаться на старом месте, не горя желанием уходить в дальние земли. Поэтому Ростислав, младший сын какого-то

третьесортного удельного князька, чье имя толком и не установлено, был рад и маленькой крепостице, к которой заодно прилагались все деревушки на десятки километров вокруг.

Кто был отцом Ростислава, пока точно не выяснено. Большинство историков считают его потомком вщижского князя Владимира Святославича, носившего почетный титул новгородского. Будучи не самым старшим из пяти сыновей Святослава Киевского, на солидный удел Владимир рассчитывать не мог. Подался он, было, править в своенравный Новгород, но демократы-новгородцы прокатили его на очередных выборах, и он осел в провинциальном Вщиже. На большее князь уже не замахивался, радуясь и тому, что есть. Однако для его пяти сыновей, сонма внуков и неизвестного количества правнуков, владений уже катастрофически не хватало. От непомерного количества дармоедов княжество трещало по швам и княжат распихивали, куда только могли. Вот Ростиславу и досталась самая дальняя глушь, куда, кроме него, никто ехать не хотел.

Правда, оппоненты выдвигали версию, что отцом Ростислава являлся черниговский князь Рюрик, но они так и не пришли к согласию, который именно из Рюриков – Ольгович или Ростиславич, так что эта гипотеза сомнительна.

Как бы то ни было, но, энергично взявшись за дело, новоиспеченный владетельный князь значительно расширил крепость, с расчетом на будущий рост народонаселения. Вместительный терем, двухэтажные клетки, обширные погреба и

закрома позволяли вместить жителей окрестных весей вместе с припасами и даже частью скота, и при этом еще оставалось место для сотни боевых коней. Оставалось только найти столько переселенцев, желающих обрести здесь новую родину.

Впрочем, князю повезло, и люди действительно к нему потянулись. Не за какие-то особые качества Ростислава, а просто так получилось, что несчастье одних часто оборачивается удачей для других. Дело в том, что прежде великий и могущественный Киев, краса русской земли, давно уже начал терять свое значение. То, что князья чуть ли не ежегодно отбирали друг у друга стольный град, это еще полбеды, хотя военные действия не давали людям нормально работать. Но когда в двенадцатом веке коалиция из одиннадцати князей разорила Мать городов русских, ограбив церкви, поубивав и уведя в полон множество христиан, то это был первый звоночек, что Киев больше не является безопасным местом. Первый, но не последний. Прошло ровно тридцать лет и три года после разорения, киевляне уже забыли прежние недоразумения и без задней мысли выгнали из города очередного князя, как это часто делалось в те времена. Однако князем этим оказался Рюрик Ростиславич, уже участвовавший в том «славном» походе, и помнивший, сколько богатств таит в себе столица. Он быстренько сбегал за помощью к соседям в Чернигов и, заручившись помощью Василия Чермного, старательно вычистил Киев от золота, серебра, а самое главное,

от людских ресурсов. Лишь иностранным купцам было позволено сохранить жизнь и свободу в обмен на материальные ценности.

В дальнейшем походы на город стали обыденным явлением. То Рюрик опять приходит, то рассорившийся со своим союзником Чермный, наделавший, по словам летописца, «много зла русской земле». Неудивительно, что уцелевшие жители Киева и его окрестностей начали потихоньку разбредаться во все стороны в поисках более спокойного места. Некоторые добрали и до Оки, где нашли много земли, теплый прием и относительно спокойную жизнь.

С названием юного города голову не ломали, назвав его просто «Городец». Таких в каждом княжестве насчитывается по нескольку штук. Например, ближайший из тезок – Городец на Жиздре, основали еще в четвертом веке, то есть он был древнее Киева. Правда, название у него не раз менялось, и как его именовали в древности, неизвестно.

Крепостица, доставшаяся молодому Ростиславу, ставилась для обороны от соседнего княжества, и потому ее основали на левом пологом берегу Оки, в том месте, где, встретив Жиздру, река образовала маленький полуостров, вытянутый на север. На его дальней оконечности возвышался небольшой насыпной холм, окруженный шестиметровым валом. Сверху по валу проходила стена – не просто ряд бревен, а современный сруб, засыпанный землей и камнями, поверх которого клался настил. Вместо примитивного зубастого ча-

стокола, за который так легко зацепиться арканом, стену венчала двухскатная крыша, закрывавшая галерею и от непогоды и от метательных снарядов, а для стрелков были проделаны окошки. Присутствовало в крепости и еще одно новшество – согласно новейшим разработкам фортификации по углам возвышались стрельницы, служившие одновременно и наблюдательными вышками, и оборонительными башнями. Внизу, у самого рва, из земли торчали надолбы, призванные испортить жизнь нападающим, а перед ними был щедро рассыпан чеснок¹, правда, деревянный, так как железо слишком дорого. Еще один вал, вдвое ниже основного, перегораживал южную часть полуострова, образуя предполье обороны.

Селище у подножия крепости пока не успело вырасти, и в нем насчитывалось едва полсотни домишек. Правда, кроме жилых изб, еще имелось немало складов, амбаров, конюшен, хлевов, и прочих строений. Если со временем посад разрастется, то его тоже обнесут отыненным валом, и получившийся окольный город станет внешней оборонительной линией.

Глядишь, со временем Городец пополнится людьми, население весей тоже вырастет, князь разбогатеет, начнет чеканить свою монету, соберет немалую дружину. Так думал Ростислав, надеясь на лучшее и не зная, что нашествие монголов не только докатится до его города, но и обратит в прах все его начинания. Причем в «прах», увы, в самом букваль-

¹ Колочки.

ном смысле слова.

Пока же, хотя и в ожидании войны, жизнь у крепости была ключом. На льду раскинулся и гудел довольно многочисленный торг. Вскоре снег начнет таять, реки вскроются, и связь между поселениями прервется. Никуда нельзя будет добраться ни по воде, ни посуху. Поэтому, пока еще имеется возможность торговать, идут последние ярмарки. Одни селяне сохранили лишние мешки с зерном, а у других, наоборот, не хватает даже для посева. Купцы скупают у звероловов пушнину и мороженые туши лосей. Кто-то из-за нехватки сена спешит забить лишнюю скотину, пока работает природный холодильник. Почти у всех за зиму жены и дочери успели наткать немало льняного или шерстяного полотна, излишки которого можно продать купцам с немалым прибытком.

Подвезшие меня крестьяне отправились на торг закупать зерно для посевной, а мне предстояло проникнуть в крепость, так что мы распрощались.

Проход через внешний вал не охранялся, благо что дворик за ним пока свободен от строений, и ничего ценного тут не хранилось. Сейчас тут стояло несколько запряженных саней, и среди них выделялся красивый крытый возок с вышитыми православными крестами. Похоже, информаторы не подвели, и объект находится в городе. Это радует, но вот пропустят ли меня внутрь? В единственных воротах го-

рода, как и следовало ожидать, стоял стражник. Молодой, вернее, просто юный, с еле наметившейся рыжей бородкой. Кого же еще поставят на столь нудную работу, как не салагу? Впрочем, паренек был чрезвычайно горд порученной ему миссией охраны князя. В короткой кольчуге, в блестящем шлеме, кожаных наручах, с копьем в руках и топором на поясе, он, должно быть, полагал себя великим воином. Его куда более опытный и хорошо вооруженный напарник – чернобородый ветеран, с покрытым шрамами лицом, – мирно сидел на бревнышке и, казалось, дремал. Однако при моем приближении глаза у бородача чуть приоткрылись, и стало ясно, что он не спит.

Заглянув в открытые ворота, я попробовал найти нужную мне персону. Народа было много. Все суетились, бегая туда-сюда с кулями и тюками, таская бревна, которые здесь же строгают двуручными скобелями плотники, илинося воду, зачерпнутую в глубоком колодце. Однако ни одного монаха во дворе не наблюдалось, и пришлось обратиться за информацией к стражнику.

Пожелав пареньку всяких благ со здоровьем, я вежливо поинтересовался:

– В городе ли игумен Афанасий из Зубцовского монастыря?

Никакой тайны визит служителя церкви, естественно, не представлял, и паренек тут же выложил все сведения. – Священноинок у князя. Вовремя ты успел, вон ему уже лошадей

закладывают. Подожди у терема, он скоро выйдет. А если срочно, то можно и позвать. – Ну вот, а если бы перед ним был оборванец, а не прилично одетый кметь, то он бы и разговаривать не стал. Вот что значит, «по одежке встречают».

Переставший притворяться спящим чернобородый разрешающе кивнул своему напарнику, и юнец посторонился, пропуская меня. Впрочем, я не торопился беспокоить князя. Без документов, подтверждающих личность и полномочия, дергать власть имущих не стоило, все равно игумен скоро сам подойдет.

– Не к спеху, когда закончит сборы, тогда и поговорю с ним. Пойду пока на торг поглазею.

– Мы скажем, что его искали, – предложил отзывчивый паренек. – Звать-то тебя как?

– Гавриил... – Спасатели обычно оставляют родные имена, но «Владипут» в это время звучит несколько необычно. В моем времени, впрочем, тоже.

Многоопытный ветеран поинтересовался у меня более практичным вопросом.

– Лошадь далеко пала?

Вопрос отнюдь не праздный. Если я успел заколоть конягу прежде, чем он издох, то мясо пригодно в пищу. Не деликатес, но в пост даже княжьих воинов едой особо не балуют, так что дружинники и коня слопают за милую душу. Тайком, конечно. Да и шкура в любом случае лишней не будет. Но пришлось огорчить запасливого кметя.

– Далече пала, два дня добирался.

Чтобы избежать новых каверзных вопросов, я поспешно ретировался, отправившись, как и обещал, на торг. Посмотреть тут было на что, ярмарка сегодня удалась на славу. По последнему насту и еще крепкому речному льду сюда съехался народ с дальних окраин Черниговского княжества. Некоторые добирались за полсотни верст, если считать по прямой, а в объезд это два дня ходу как минимум. Везли все, что было нажито и добыто за зиму, спеша продать излишки натурального хозяйства до начала распутицы. Давешние попутчики, потрясая тощим кошельком, усиленно торговались за мешки с рожью. Продавец серебро брать отказывался, предчувствуя грядущие бедствия и влекомое ими повышение цен. Пришлось седобородому крестьянину отдать по бартеру беличьи шкурки, коробья солода да еще добавить ценного конопляного полотна.

Прочие участники стихийного рынка также расплачивались в основном вещами, умудряясь мгновенно просчитать в уме их сравнительную стоимость. Я бы даже с компьютером сразу не сосчитал, можно ли, к примеру, отдать половину коровьей туши и меру овса за две бочки рыбы и полпуда пряжи, если учесть прогнозируемые виды на урожай и вероятность военных действий.

Рынок привольно раскинулся на льду, охватывая город полукольцом, и, шествуя между разложенными товарами,

я обошел вокруг Городца. По пути заодно рассматривал укрепления, казавшиеся мощными, но на самом деле не способные выдержать серьезного штурма. Как известно по результатам раскопок, древние строители схалтурили, применив для постройки стен не только качественный дуб, но и обычную сосну. Ох, сэкономил удельный князь, строивший сей оборонительный узел. Однако понять его можно. Хотя дубы в этой местности встречались часто, но все пригодные для стройки деревья, росшие в округе, почти полностью извели на Козельский замок. Этот город, считавшийся по своему значению вторым в княжестве, обладал огромной по местным меркам крепостью. Дело в том, что княжество Черниговское тянулось от Днепра до Дона, а на севере даже доходило до границ современной Московской области. Но столица и большая часть населения находились на юго-западе, а восточная часть, покрытая лесами, была заселена слабо и городов не имела вовсе, если не считать укрепленные селища. Для контроля над столь обширной территорией и был основан Козельск, ставший своеобразной второй столицей Черниговщины. Княжить в нем обычно сажали старшего сына черниговского правителя. До постройки Городца Козельск оставался самым дальним городом княжества и являлся ключевым центром оборонительной системы этого края. Хотя население города было небольшим, но его детинец, достигавший почти километра в длину, не уступал по размеру черниговскому. Учитывая, что стоял он на высоком

холме, прикрытом с трех сторон рекой, а с четвертой – каналом, крепость можно было бы назвать неприступной, будь она каменной.

Естественно, на строительство и периодическую модернизацию таких огромных стен требовалось очень много бревен, а годилось для этого далеко не всякое дерево. Требовалось прямое, высокое и достаточно толстое. А дуб – это не пирамидальный тополь. Пока он бревном станет, у людей пройдет несколько поколений. Вот и оказался Ростислав перед дилеммой. Доставлять подходящие бревна по воде с низовых земель слишком дорого, княжеская зарплата подобной роскоши не позволяет. Волочь полутонное бревно посуху за десяток верст через густые заросли – никаких лошадиных сил не хватит. Конечно, крестьяне могут дотащить что угодно и куда угодно, но кто же тогда вместо них будет землю пахать? Князь все-таки не фараон. Он должен помнить, что смерды с гриднями помимо строительной несут еще и кучу других обязанностей.

Поэтому, утешив себя тем соображением, что пропитанная смолой древесина хвойных пород меньше подвержена гниению, князь довольствовался эрзацем в виде сосен. Другого выхода все равно не было.

Правда, километрах в пяти отсюда дубовая роща еще осталась, но ее местные жители берегли. Хоть открыто об этом не говорилось, но там, под зелеными великанами, до сих пор приносились жертвы древним богам. Хотя прошло

уже больше века с тех пор, как в здешних краях убивали миссионеров², но язычество лишь затаилось. Даже в «Слове о полку Игореве», не стесняясь, называли руссов Стрибожьими внуками. На местных горшках, украшениях и прочих изделиях, по-прежнему изображались древние обряды, тайком празднуемые не только в тринадцатом, но и в четырнадцатом веке, хотя смысл их потихоньку забывался. Конечно, по закону за моление в роще полагалось наказание, но это в стольном граде. А здесь, среди диких лесов и свободных людей, посадники с князьями старались не придирааться по мелочам к своим подданным. Впрочем, что говорить о простолюдинах, если, к примеру, сами великие князья до сих пор пользовались не своими христианскими именами, а языческими. Например, нынешний великий князь Ярослав Всеволодович – сын Всеволода Большое Гнездо и отец Невского. Кто, кроме историков, знает, какое имя он и его отец получили в крещении? Лишь после татарского нашествия, когда понадобилось сплотить общество, с пережитками язычества стали бороться всерьез.

К тому же в глухом зажиздренском бору, который и поныне, в двадцать первом веке, тянется на десятки километров, еще имеется пещера со светящимся мхом, в которую раньше ходили на поклонение восторженные язычники, а теперь заглядывают любопытные туристы. Такой лес священен вдвойне. Здесь правят волхвы, и нужно иметь очень вескую

² В 1113 году.

причину, чтобы идти с ними на конфликт. Так что, пока население исправно платит налоги, дубопоклонников никто не трогает.

Вот так и получилось, что неблагоприятное стечение обстоятельств лишило Ростислава качественных стройматериалов, хотя, казалось бы, источников сырья вокруг имелось достаточно.

Рассуждая на тему выбора бревен для крепостицы, я пожалел, что не обучен различать породы древесины. Нет, конечно, когда дерево стоит с листьями и иголками, я не только дуб с сосной, но даже и вяз с осиною смогу отличить. А вот когда они уже ошкуренные, то для меня все одно.

Видать, проблема качественного строительства укреплений волновала не только меня, потому что кто-то за моей спиной выдал экспертное заключение.

– На углу бревна уже старые, подгнили совсем. А в этой стене вообще сосновые положили.

Эх, хорошо местным жителям, они с измальства в древесине разбираются, подумал я с завистью, но тут меня что-то толкнуло. А говорит-то эксперт не по-русски, а на заднепровском диалекте половецкого языка. Обернувшись, я, как и ожидал, увидел роскошие скуластые лица. Половцы, они же куманы и кипчаки. И какой горе-ученый придумал, что слово «половцы» означает рыжий, если по изученным погребениям достоверно известно, что куманы относятся к азиат-

скому антропологическому типу.

Окинув взором знатоков растительного мира, я убедился, что догадка оказалась верной. Так и есть, половецкие купцы. Наметанным глазом я мгновенно подсчитал количество гостей и их транспортных средств: три человека, двое саней, несколько лошадей. Естественно, все люди вооружены, чай, не на прогулку по бульвару вышли.

Ну что же, замечательно, что встретил иностранных торговцев. Поспрашиваю путешественников, небось, какие новости узнаю. Неспешно, прогулочным шагом я подошел к ним и оценил ассортимент товаров. Помимо стандартного набора мехов, разложенных на санях, еще предлагалось несколько новгородских поделок – сапоги, украшения, отполированные до блеска мечи и даже узкий кинжал, похожий на мой. Не иначе, с севера приехали, спасаясь от нашествия. Сейчас Батый как раз к Новгороду прет.

– Что-то маловато у вас товаров, – искусно завел я разговор издалека, намереваясь повыспрашивать о происходящем в мире.

– Распродали все, – объяснил купец. Говор у него чистый, наверно, не первую зиму он ездит на Русь.

– А где торговали?

– В Новом Торге. Там и новгородских купцов много, и прочих гостей. У них византийские товары ценятся, так что мы всё сбыли с выгодой, и новгородские взяли. А на исходе зимы, пока снег лежит, домой отправились.

– Долго ехали?

– Три седмицы добирались. А новгородские товары по пути почти все распродали. Вот, только остатки довели.

– Три недели, говорите?

Купец, до того разговаривавший спокойно, чего-то разволновался и весь напрягся. Ноги прямые, взгляд исподлобья, кулаки сжаты, как будто собирается с кем-то драться. Неужели я чем-то его оскорбил, или он сборщика налогов увидел? Все это я отметил машинально, пока прикидывал возможный маршрут половцев и пытаюсь определить, где он мог проезжать.

– Странно, Торжок сожгли на святого Конона³, а до того две недели штурмовали. Это получается, получается... – Задумавшись о датах и запутанной системе средневековых календарей, я машинально отпрянул назад, потому что перед глазами промелькнуло что-то блестящее. На мгновение я увидел свои изумленные глаза, отраженные в клинке, и уже потом понял, что это было. Меч. Не сабля, а прямой харалужный меч новгородской работы с заостренным острием. Таким можно проткнуть мой доспех вместе со стеганкой, которой, впрочем, у меня и нет. Но какой, однако, шустрый кипчак. Ведь только что меч лежал на импровизированной витрине, а теперь им усердно тыкают мне прямо в лицо. Ведь так и поранить можно.

Второй половец вместо того, чтобы утихомирить товари-

³ 5 марта.

ща, достал саблю. И тоже мгновенно – только что стоял с равнодушным видом, оружие дремлет за спиной в ножнах, а через миг уже крутит финты перед моим лицом. Спасли только доведенные до автоматизма рефлексy и то, что противники стояли в закутке между санями, мешая друг другу.

Третий, у которого, кроме ножа на поясе ничего не было, попробовал проскочить мимо меня, но не учел навыков, вбитых в спасателя настойчивыми тренерами. Даже не глядя в его сторону, я машинально сделал подсечку, правда, не совсем удачно. Степняк успешно перескочил через мою ногу, однако тут же споткнулся об оглоблю, так и не дотянувшись до телеги, где лежал сагайдак. Подняться он не успел. Отпрянув назад, я пнул пяткой по голове незадачливого прыгуна и с чистой совестью сосредоточился на схватке.

Жаль, что бронированные перчатки остались лежать невостребованными в котомке, с ними было бы гораздо проще парировать удары. Или можно, к примеру, перехватить лезвие своего меча и, отбив вражескую саблю, ударить рукоятью в лицо. Вот ведь коварные враги, не дали мне времени подготовиться. В честном поединке, надев заблаговременно все свои доспехи, я мог бы спокойно справиться с куманами. Но, увы, ни перчаток, ни наручей мне не достать. Шлем надевать тоже некогда, и даже щит остался висеть за спиной. Перекинуть его вперед – секундное дело при наличии навыка. Навык у меня имелся, а вот секунды не было, потому что противостояли мне настоящие мастера. Я бы оценил мечни-

ка на второй разряд, да и саблист от него почти не отставал. Вот только школа у них была несколько странная. Почти никаких уходов, приседаний, отскакиваний. Видно, что степняки привыкли к конному бою. Что еще хуже, ни малейших признаков согласованности между напарниками не наблюдалось. Они махали своими железками, глядя только на меня, то и дело толкаясь локтями. По доспехам у нас наблюдался явный паритет. Под одеждой куманов позвякивали кольчуги, но головы, предплечья и кисти рук железом прикрыты не были.

Биться без щита сразу с двумя сильными противниками очень трудно, но я все-таки с пяти лет занимаюсь фехтованием, да и асинхронность действий нападающих не позволяла им реализовать преимущество.

Наконец, один из купцов догадался перебросить саблю в левую руку, и дело у половцев пошло на лад. Еще немного, и они сумели бы прорваться мимо меня и, вскочив на коней, сбежать прочь из города. Только сейчас я сообразил, что не позвал на помощь, а степняки бились молча, не привлекая к себе внимания. Однако добрые люди, ставшие свидетелями стычки, вовремя позвали стражей порядка. От ворот уже бежали давешние дружинники, оглушительно крича на ходу грозный боевой клич: «Уроем!» Каких только версий не было о заимствовании слова «ура». Но если оно использовалось и англичанами, и немцами, и монголами, то как же мы могли заимствовать его одновременно у всех?

Воодушевленный подходящим подкреплением и пользуясь тем, что шпионы бросали тревожные взгляды мне за спину, я решился провести атаку. Отскочив вправо, быстро отвел кинжалом саблю и почти без размаху ударил сбоку, целясь по горлу. Лжекупец все же успел среагировать и пригнулся, так что кончик меча попал в голову, прямо по меховой опушке кожаной шапки. Однако головной убор не смог спасти своего владельца, и, выронив оружие, он без звука повалился на снег.

Теперь уже можно потягаться один на один с мечником. Скрестив клинки, ощутимо прогнувшись, я секунду удерживал его меч и за это время изловчился пырнуть противника ножом в живот. Толстая дубленка и кольчуга спасли рыцаря плаща и кинжала от смерти, но эффект был такой же, как если ткнуть палкой в солнечное сплетение. В общем, когда стражники подбежали, причем грузный бородач с тяжелым щитом умудрился не отстать от мальчишки, трое купцов дружно лежали на земле в разнообразнейших позах и тихо постанывали.

Только сейчас я почувствовал страх, и это хорошо. Со всем не бояться – значит, быть глупым, а бояться во время схватки очень опасно. Впрочем, теперь мне следует опасаться не острой сабли, а руки закона. Возможно, в другое время и при других обстоятельствах меня затаскали бы по судам, но тут, к счастью, все ясно как день – благородный витязь подвергся нападению злобных шпионов и дал им достойный

отпор.

Перехватывая инициативу, я сразу отдал «ценные» указания с таким видом, будто имею на это право.

– Вяжите лазутчиков и тащите к князю. Только держите порознь, чтобы не договорились, о чем врать.

Дружинники, не опуская копий, начали поднимать половцев, причем отнюдь не ласковыми уговорами. Двое сразу же послушались и встали на ноги. Хотя они сильно страдали от ушибов, но получать удары древком и покалывания по мягким местам, усугубляя страдания, им не хотелось. Третий же, мастер сабельного боя, остался лежать ничком там, где принял свой последний бой.

– Преставился, – радостно сообщил рыжий дружинник, явно воспитанный не на принципах человеколюбия и гуманности и потому не испытывавший к шпиону ни малейшего сочувствия.

У погибшего, пропустившего удар в голову, крови почти не было, лишь небольшое пятно на виске. Не повезло ему, подставил под удар самую уязвимую часть головы. Височная кость тонкая, как картон. Небольшого тычка достаточно, чтобы ее проломить. Ну и ладно, у нас еще два языка есть.

Сопровождая стражников, волокущих пленников, я едва не пел от восторга. Да и запел бы вслух, вот только на Высоцкого в тринадцатом веке могут среагировать не совсем адекватно. Отбрехивайся потом, что это за «Яков истребитель» и где находится обитель со странным названием «Небо». Да

ничего, и без песен обойдусь. Главное, у меня есть повод наведаться к местному властителю и втереться к нему в доверие. А там с его помощью и игумена обадить будет намного легче. Вот и замечательно, кто ищет, тот всегда найдет.

Осматривать внутренний двор крепости времени не было, и, оставив экскурсию на потом, я лишь бросил взгляд в сторону церквушки, маленькой, но добротной построенной, с обитой свинцом крышей. Но из нее никто не выходил, и я поспешил в княжеский терем.

До секретарей в приемной еще не додумались, и князь, заинтригованный необычной процессией, принял нас сразу. Хотя у него шло какое-то совещание с ближайшими помощниками, но все сразу стихли. Ростислав ждал, пока ему объяснят случившееся, а подручные, соблюдая субординацию, не проронили ни слова.

– Лазутчиков схватили, – доложил бородатый витязь, держа кумана так крепко, что тот не мог трепыхнуться. – Вот этот боярин Гавриил словил, – честно добавил страж ворот, кивнув в мою сторону. Правильно, скромность украшает, а его светлость князь Ростислав мог процесс задержания шпионов в окошко лицезреть. А что я уже боярин, это хорошо, больше доверия будет.

Недоуменный взгляд князя, как бы вопрошавшего, чего степнякам понадобилось здесь вынюхивать, остановился на мне. Сдернув подшлемник и торопливо поклонившись, я пояснил:

– Половцы это, на службе татар. А что одного до смерти забил, так прости, государь, силы не рассчитал. Я же его по шапке легонько ударил, а он возьми и окочурься.

Князя летальный исход стычки с заграничным гостем ничуть не огорчил и избитый вид выживших куманов сострадания не вызвал. Вместо выражения соболезнования он кивнул своей челяди в сторону печки, причем вовсе не намекая, что гостей пора кормить обедом. Гридни поняли верно и побежали нагревать разные инструменты, от шила до огромных щипцов. А вот это зря. Под пыткой человек может рассказать все что угодно, а нам надо узнать не все, а лишь то, что было на самом деле. Придется устроить местным следокам мастер-класс допроса.

Между тем благодарный правитель уже достал маленький шестигранный брусок черниговской гривны и с важным видом протянул мне. В серебре я не нуждался, и так пара кило драгметалла в котомке лежит, и все это добро перед уходом придется выбросить. Стоимость перемещения груза во времени такая, что даже золото возить в будущее нерентабельно. Но князюшко этого знать не мог, так что, поклонившись до земли, я принял награду с таким видом, как будто президент вручил мне звезду героя. Да-да, именно по этой причине, если спасателям приходится вручать ордена, прямой трансляции из президентского дворца никогда не бывает. Только в записи, и зачастую после десятого дубля. Иначе церемония буханья на колени и обнимания президент-

ских туфель произведет немыслимый фурор в мире. Никто же не знает, чем мы занимаемся на самом деле и откуда такие странные манеры.

– Война на носу, – скуповато вздохнул кто-то за спиной князя, – надобно сберегать добро, а не раздавать всем встречным.

– Дондеже тебе повторять? – огрызнулся Ростислав на подчиненного. – Сказано же в напутствии: «Всего же более чтите гостя, и знаменитого, и простого». Еще тиун будет со своим князем спорить.

Пользуясь моментом, я тут же без спроса влез с предложением:

– Дозволь, княже, расспросить чужеземцев. Только их поврозь надо допрашивать.

Слава Времени, допрос производился без излишних формальностей. Никаких адвокатов, протоколов, зачитывания прав, вежливого обращения. Только упрощенная процедура, экономящая время. Подозреваемого поставили на колени, а я присел перед ним на лавку, задумчиво вперив взгляд прямо в очи. Наконец-то мне представился случай применить на практике все тонкости сыскного дела, так долго изучаемые на спецкурсах.

Помня, что нельзя давать допрашиваемому времени опомниться, я сразу же огорошил его своим всезнайством.

– Тебя прислал Кадан или сам Субетай. Мы знаем, что монги, они же таурмени, взяли Новый Торг, но после поне-

сенных потерь испугались идти к Новгороду и теперь возвращаются в степи. Двигутся татары не кучно, а идут, рассыпавшись облавой, добывая зерно для лошадей. Место соединения отрядов с основным войском хан Бату назначил у Козельска. – Формально Батый, конечно, еще не хан, но его все чаще именовали именно так. – Значит, некоторые отряды пройдут по Оке и выйдут к Городцу. Вас загодя послали вперед разведать укрепления. Верно излагаю?

Половец моей тирадой заинтересовался, но комментировать вышеизложенные догадки не торопился. Что же он, дурак, что ли, сразу всю подноготную выкладывает, когда пытки еще даже не начались? Ростислав тоже был весьма заинтригован, но не перебивал, позволяя довести дело до конца.

С нарочито равнодушным видом, как будто мне не впервой пытаться и мучить разумное существо, я достал кинжал и поднес к лицу обвиняемого. Обычно подобный подход быстро смягчает непреклонную позицию подсудимого.

– Время нам дорого, так что калить щипцы не будем. Просто выбери, что тебе сначала сделать – глаз выколоть или вот это, пониже пояса, отрезать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.